

Н. Лосский

ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ. Часть 1¹

(Публикация С.С. Илизарова и В.А. Куприянова)

N. Lossky

PSYCHOLOGY IN RUSSIA. Part I

(Published by S.S. Ilizarov and V.A. Kupriyanov)

I. НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В этой весьма краткой статье о психологии в России не может быть изложена история русской психологии; в ней сообщены только в систематизированном виде те результаты исследований русских ученых, которые имеют непосредственное значение для современного состояния этой науки и для ее ближайшего будущего. Многочисленные плодотворные замечания, разбросанные в русской критической литературе, а также в философских, этических и религиозных сочинениях оставлены в стороне; приняты во внимание только те сочинения и статьи, в которых обстоятельно разработаны психологические теории или подвергнуты специальному исследованию факты психической жизни.

Сначала я изложу те труды, которые содействуют разработке целых направлений в психологии или, по крайней мере, основных вопросов, граничащих с философией и имеющих значение для системы психологии в целом, а затем перейду к частным вопросам психологии.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы русская психология создала какое-либо направление, не представленное нигде в Западной Европе. У нас, как и везде, культивируются такие направления, как ассоциационизм, материалистическая психология, волюнтаризм и т.п. Что же сделала русская психология для разработки этих направлений?

Начнем с ассоциационизма. Толчок к усвоению и разработке этого направления в России был дан книгой М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии»² (1867), более трети которой посвящено рассмотрению английской психологии и анализу английского ассоциационизма с целью показать превосходство английского метода разработки психологии над немецким. Книгу Троицкого использовал

¹ Архивный материал публикуется с сохранением орфографии и пунктуации источника.

² Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Ист. и критич. исслед. с предвар. очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка. М.: Тип. Т. Рис, 1867. [4], XIII, [5]. 658 с.

Н.Я. Грот в своем исследовании «Психология чувствований в ее истории и главных основах»³ (1880), занявшись систематической разработкой ассоциационизма в применении к вопросу о развитии чувствований. Ввиду чрезвычайного разнообразия учений о чувствованиях и об отношении их к другим психическим процессам Грот подошел к своей специальной задаче через изучение истории вопроса. Именно он дал прежде всего обстоятельную и весьма полезную «Историю классификации психических феноменов и взглядов на отношение чувствований (и аффектов) к прочим явлениям психической жизни» (от начала греческой философии до наших дней) затем он занялся «Историей учений об удовольствии и страдании и различных способов классификации чувствований (и аффектов)».

Как ни разнообразны на первый взгляд учения различных философов о чувствованиях, они могут и должны быть, по Гроту, (на основании априорных соображений) сведены к 16 видам. В самом деле, все чувствования суть, по Гроту, либо простые, либо сложные явления удовольствия и страдания. Но удовольствие или страдание есть выражение оценки гармонии или дисгармонии каких-то отношений (стр. 140). Основное различие между теориями состоит в том, что одни психологи считают оценку, выражающуюся в форме чувствования особым видом суждения, другие – особым видом ощущения, третьи – моментом желания и, наконец, четвертые считают ее самостоятельным психическим явлением. Эти четыре класса теорий подразделяются на 16 видов (по 4 вида в каждом классе) в зависимости от того, считаются ли предметом оценки внешние объекты или внутренние отправления, или отношение внешних объектов к субъекту (польза и вред для субъекта); далее, различия между теориями обусловлены тем, считает ли психолог эту оценку сознательной или бессознательной и, далее, абсолютной или относительной (стр. 142).

Своему собственному учению о чувствованиях Грот предпосылает рассмотрение фазисов полного «психического оборота», который, по его мнению, состоит из внешнего впечатления на психический организм, из переработки этого внешнего впечатления во внутреннее, из возникающего отсюда внутреннего (психического) движения и, наконец, из внешнего движения организма в отношении к предмету; эти ступени психического оборота Грот обозначает также словами момент объективной восприимчивости, момент субъективной восприимчивости, момент субъективной деятельности и момент объективной деятельности (стр. 430). Первоначальные психические явления, образующие эти моменты, суть ощущения, чувствования удовольствия и страдания, стремления, движения; осложненные психические явления, соответствующие им, суть представления и понятия, чувства и волнения, желания и хотения, действия и поступки (432). Итак, чувствования суть по Гроту, вторая ступень психического оборота; они возникают из субъективной оценки ощущений (444), именно представляют собою бессознательную и относительную оценку внутренней гармонии и дисгармонии в организме или в какой-нибудь его части (457). Эта гармония и дисгармония есть не что иное, как отношение между работой какой-нибудь ткани организма и ее энергией, между тратой вещества и накоплением его; отсюда следует, что должны существовать два вида удовольствия - положительное

³ Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах: Исслед. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1879–1880. XIV, [2]. 569 с.

(вследствие нормальной траты энергии) и отрицательное (вследствие нормального накопления энергии), а также два вида страдания – положительное и отрицательное (вследствие чрезмерной траты и вследствие чрезмерного накопления), как это уже развито ранее Гамильтоном и с различными видоизменениями принято Спенсером, Дюмоном и др. Нормальная смена чувствований в ходе психической жизни, по Гроту, такова: 1) отрицательное страдание (потребность, лишение), 2) положительное удовольствие (наслаждение, работа), 3) положительное страдание (усталость, истощение), 4) отрицательное удовольствие (отдых, восстановление).

Первоначальные чувствования, по теории Грота, непосредственно связаны с ощущениями, обусловленными различными видами физиологических отправлений организма. Распределив главные из этих отправлений в восемь групп (четыре группы растительных отправлений – 1. кровообращение, 2. дыхание, 3. пищеварение, 4. воспроизведение и вообще выделение и четыре группы животных отправлений – 1. движение, 2. восприятие, 3. субъективная деятельность сознания, 4. объективная или познавательная деятельность сознания), Грот различает соответственно ним восемь классов первоначальных чувствований, распадающихся в свою очередь каждый на четыре вида – положительное и отрицательное страдание и удовольствие, так что всего получается 32 вида специальных чувствований или, точнее 64 вида, если различать в каждой группе отправлений чувствования, связанные с внешними ощущениями, и чувствования, связанные с внутренними ощущениями.

Исходя из этого учения о первоначальных чувствованиях, Грот переходит к вопросу о развитии из них сложных чувств путем сочетания их друг с другом и с ощущениями, представлениями и понятиями (идеями). Развитие это, как и вообще все процессы психического развития, Грот рассматривает, следуя Спенсеру, как процесс интеграции и дифференциации, обусловленный законами ассоциации, в основе которых в свою очередь лежат законы памяти; таким образом развитие новых комбинаций происходит или путем запоминания, ассоциации и интеграции, или путем забвения, диссоциации и дифференциации (485 с.). В этом развитии чувств Грот различает три ступени: 1) сочетание первоначальных чувствований с ощущениями и ассоциация тех же чувствований друг с другом, вследствие чего получаются первичные чувства и волнения, затем 2) сочетание первичных чувств с представлениями и интеграция их, откуда получают вторичные чувства и, наконец, 3) сочетание с отвлеченными понятиями (496). Грот подробно рассматривает только первичные чувства, их развитие и классификацию, которая у него параллельна классификации первоначальных чувствований. Особенно интересны здесь предположения Грота о первоначальных источниках некоторых чувств, напр., что о том, что первоначальный источник страха заключается в страданиях, вызываемых остановкой дыхательного процесса, злорадия и гнев возникают из страданий голода и той борьбы, которая обыкновенно требуется для устранения голода; тоску, уныние, веселость и т.п., Грот выводит из состояний кровообращения (511–522). Эта теория чувств, по существу, однородна с теорией Джемса, высказана ранее ее и отличается той выгодной особенностью, что содержит в себе попытку найти первоначальный источник каждого чувства и путь развития его, объясняющий характерную для чувства комбинацию телесных реакций.

Изучением ассоциационизма, как целого направления, именно исследованием его видов и новейших тенденций развития, занялся ученик Троицкого В.Н. Ивановский в своей книге «Ассоциационизм психологический и гносеологический»⁴ (1909). В.Н. Ивановский обращает внимание на различие между ассоциационизмом, как психологическим направлением, стремящимся объяснить явления психической жизни (напр., Гортли, Пристли, Спенсер, Бенье) и ассоциационизмом, как направлением гносеологическим, стремящимся дать решение проблем теории знания и логики (напр. Юм, Джон. Ст. Милль). Интересны указания Ивановского на современные попытки ввести в учение об ассоциативных процессах допущение активности сознания, а также освободить эти учения от психологического «атомизма» (*mind-stuff theory*) и сенсуализма (Гердинг, Галеви, Корнелиус, стр. 205–221). По мнению автора, эти попытки открывают перед ассоциационизмом новые плодотворные пути развития, на которых возможно сближение и примирение ассоциационизма с другими направлениями, однако эти мысли Ивановского остаются не развитыми, так как он напечатал лишь первую часть своего исследования, занятую почти наполовину обзором литературы по истории учения об ассоциации идей и ассоциационизма.

Один из важнейших для учения об ассоциации вопросов подвергнут специальному исследованию в книге А.П. Нечаева «Ассоциация сходства»⁵ (1905 г.). Первая часть книги посвящена истории вопроса. Во второй части Нечаев прежде всего старается установить, что воспроизведение, как «возвращение в наше сознание того же самого, что уже было нами пережито» невозможно (201), так, что воспроизведенное состояние есть на самом деле новое переживание, лишь истолковываемое, как старое (207 с.). Отсюда Нечаев выводит, что основной закон ассоциации есть отношение не двух, а всегда четырех представлений и имеет характер отношения смежности (213–221); далее, он сводит на эту же четырехчленную схему также и ассоциации сходства (222–231). Меткие замечания против теории Нечаева высказаны в подробном отчете В. Зеньковского о его книге (Вопросы философии, 1906, март)⁶.

Ассоциационизм входит сполна или, по крайней мере заметной струей также в состав того направления в психологии, которое сводит всю психологию на психофизиологию. Ярким представителем этого направления в России был известный физиолог Сеченов. В сочинении «Рефлексы головного мозга» (1 изд. 1863 г.)⁷ Сеченов старается доказать, что все психические процессы, произвольные акты, мысли и аффекты, имеют рефлексообразное происхождение. Все свойства рефлексов принадлежат также и высшим формам психических процессов, а черты, которые кажутся нам исключительною особенностью психического процесса, на самом деле или встречаются также и в рефлекторном процессе или же приписываются нами психи-

⁴ Ивановский В.Н. Ассоциационизм психологический и гносеологический: Ист.-крит. исслед. Ч. 1. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1909–1910.

⁵ Нечаев А.П. Ассоциация сходства. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 278 с.

⁶ Зеньковский В.В. Новый труд по вопросу об ассоциации идей. (А. Нечаев. Ассоциация сходства) // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. II (82). С. 92–126.

⁷ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Медицинский вестник. 1863. № 47. С. 461–484; № 48. С. 493–512.

ческому процессу по недоразумению. Так, Сеченов утверждает, что исходным пунктом всякого психического процесса также, как и рефлекса, служит возбуждение извне чувствующего нерва (2. изд. 1871 г., стр. 129, 144)⁸. Если, напр., произвольный поступок обусловлен мыслью, положим, воспоминанием, то само это воспоминание все же вызвано внешним чувственным раздражением, напр. «я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминую, потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» (стр. 126). Точно так же и заканчивается психический процесс, подобно рефлексу, мышечным сокращением. Правда, это мышечное сокращение очень часто бывает непропорциональным внешнему раздражению, именно чрезвычайно усиленным или ослабленным в сравнении с ним, напр., в случае страстной реакции в ответ на тихо сказанное слово или в случае мужественного стоического перенесения страшных пыток. Однако Сеченов указывает на то, что и рефлексы можно подразделить на три группы: рефлексы с реакцией пропорциональной раздражению с реакцией ослабленной. Примером ослабленной реакции может служить замедление биений сердца или остановка их вследствие раздражения блуждающего нерва, а примером усиленной реакции резкое проявление инстинктивного испуга, относимого Сеченовым к числу рефлексов. Крайний случай задержки внешнего действия есть мысль, не выраженная вовне даже и словом. Поэтому Сеченов говорит, что «мысль есть первые две трети психического рефлекса» (140). В физиологическом процессе произвольного движения, аффекта и мышления среднее звено (физиологический процесс в полушариях мозга) всегда сопутствуется психическими состояниями; однако и этот признак не отличает, по Сеченову, душевную деятельность от рефлекторной, так как и рефлекс может содержать в своем составе «определенные сознаваемые ощущения» (65). Наконец, важнейшее отличие произвольного движения от рефлекса усматривают обыкновенно в том, что произвольный факт зависит не от внешних условий, а от выбора нашей воли, которая способна проявить свою власть над каждым моментом его (167). Однако Сеченов полагает, что это сознание произвольного выбора и власти над движением есть иллюзия; в действительности неизбежно побеждает «или мысль с очень страстным субстратом или мысль очень крепкая от частоты повторения рефлекса» (171), причем «первая причина всякого человеческого действия лежит вне его» (173), т.е. вне человека, во внешнем раздражении.

Своей книге Сеченов хотел дать заглавие «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы», однако цензура, очевидно, борясь с материализмом, воспретила это заглавие и, как это часто бывало в России, побудила автора дать заглавие еще более яркое, идущее даже далее намерений автора. По крайней мере Сеченов в своей полемике с Кавелиным («Вестник Европы», ноябрь 1872)⁹, заявляет, что он далеко от полного отождествления психических фактов с рефлексами, что он говорит только о способе происхождения психических процессов, но даже и не пытается объяснять сущность их (стр. 397). Однако

⁸ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. Изд. 2-е. СПб: Типография К.В. Трубникова, 1871. 179 с.

⁹ Сеченов И.М. Замечания на книгу г. Кавелина: «Задачи психологии» // Вестник Европы. 1872. Т. VI. Кн. 11. Ноябрь. С. 386–420.

считая психический процесс лишь «срединою» механически осуществляющегося рефлекса и полагая, что изучать нужно целое этого процесса, а не только часть его, Сеченов последовательно приходит отсюда к выводу, что разрабатывать психологию должна физиология, «так как она одна держит в своих руках ключ к истинно-научному анализу психических явлений» («Кому и как разрабатывать психологию?» Вестн. Евр., апр. 1873, стр. 567)¹⁰.

Своеобразие психического процесса, состоящее в том, что психические факты даны в самонаблюдении непосредственно, без помощи внешних органов чувств, и возникающая отсюда необходимость особенной науки, пользующаяся методами, глубоко отличными от физиологии, совершенно отвергаются Сеченовым на основании следующих учений его. Все психические состояния он считает или ощущениями, или воспроизведением ощущений, хотя бы и переработанных путем новых сочетаний и разложений. Но действительное впечатление и воспоминание о нем не отличаются друг от друга и со стороны процесса в нервных центрах, и по своему психическому содержанию. Поэтому для Сеченова нет разницы между восприятием процесса, возникшего вследствие раздражения органов чувств, и восприятием процесса, в основе которого в данный момент нет раздражения органов чувств.

Учение о том, что высшие психические процессы слагаются из ощущений путем разложений и сочетаний их, весьма интересно разработано Сеченовым в применении к мышлению в статье «Элементы мысли» (Вестн. Евр., март и апрель 1878)¹¹. Всякая мысль, по Сеченову, состоит из трех частей: из представления о двух предметах и из сопоставления их в каком-либо отношении, именно в отношении сосуществования, последовательности или сходства. Такое строение в мысли обусловлено воздействиями внешнего мира на органы чувств, деятельностью и упражнением органов чувств (в особенности мышечными приспособлениями их для восприятия) и свойствами памяти. В самом деле, первоначальные воздействия предметов внешнего мира на нервную систему являются источником слитных впечатлений, которые еще не создают никакого мышления. Только после многократного воздействия сходных и различных впечатлений, благодаря упражнению нервной системы, начинается расчленение впечатлений, выделяющее признаки предмета. Этому расчленению особенно содействуют инстинктивные двигательные реакции тела, приспособляющие органы чувств для усиления ощущений (аккомодация глаза, поворот головы и т. п.). Таким образом в промежутках между различными ощущениями от предмета помещаются, в качестве соединительных звеньев, мышечные ощущения. Мышечные ощущения, по Сеченову, дают представление о пространственных отношениях между предметами, а также о временных отношениях (когда, напр., субъект поворачивает голову и глаза, чтобы следить за движением предмета). На основе такого опыта возникает конкретное предметное мышление; оно есть не что иное, как воспроизведенное представление двух объектов, связкою между которыми служит про-

¹⁰ Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Вестник Европы. 1873. Т. 2. Кн. 4. Апрель. С. 548–628.

¹¹ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

странственное или временное отношение, воспринятое благодаря мышечным ощущениям от двигательных реакций органов чувств (Речь Сеченова «О предметном мышлении» на IX Съезде Русских Естествоиспытателей, стр. 6)¹².

Кроме пространственного и временного отношения между предметами мысли, возможно еще отношение сходства. Этот случай мышления объясняется свойствами памяти, которая фиксирует впечатления, как это видно из законов воспроизведения, в порядке, соответствующем четырем рубрикам: в связи с тем, «что предшествовало данному впечатлению, что ему сопутствовало, что за ним следовало, и с чем оно сходно, как целиком, так и частями» (стр. 7).

Отвлеченное мышление развивается из конкретного путем дальнейшего расчленения впечатлений и выделения из них тех или других элементов, причем выделенная часть предмета может быть использована для символического изображения целых предметов или их частей и отношений. Особенно интересный случай отвлеченного мышления, дающий начало такой науке, как математика, есть «мышление формами или движением»; по Сеченову, оно есть не что иное, как «мышление следами от двигательных реакций глаз и рук при смотрении и осязании»¹³ (В.Е., 1878 апр. 490).

Свое учение об элементах мысли Сеченов ставит в связь с теориями Спенсера и Гельмгольца, стремясь сочетать эмпиризм Гельмгольца с эволюционным априоризмом Спенсера (В.Е., 1878, март, стр. 60 сс.)¹⁴. В своем учении о расчленении слитных впечатлений путем мускульных приспособлений органов чувств он предвосхищает теорию внимания, развитую впоследствии Рибо, и вообще настойчивое подчеркивание значения мускульных ощущений (напр., как элемента, создающего «связку» в суждении) дает Сеченову видное место в истории аналогичных учений XIX века.

Гносеологическая сторона теорий Сеченова, конечно, весьма неудовлетворительна. Э.Л. Радлов в статье «Натуралистическая теория познания»¹⁵ (Вопр. Фил., 1894, 25) показал односторонность гносеологического натурализма Сеченова, догматизм его и недостаток глубины анализа в важнейших (?) пунктах, напр. в вопросе о существовании внешнего мира, о соответствии элементов представления и суждения элементам действительности и т.п.

Согласно Сеченову, психологию должны разрабатывать физиологи, причем психология превращается, собственно, в психо-физиологию. Стоит сделать еще шаг на этом пути и в результате получится то направление, которое называется объективной психологией и представлено в России известным физиологом И.П. Павловым, невропатологом и психиатром В.М. Бехтеревым, а также их многочисленными учениками.

¹² Сеченов И.М. Речь И.М. Сеченова О предметном мышлении с физиологической точки зрения, произнесенная в общем собрании IX Съезда [русских естествоиспытателей и врачей] 4 января 1894 года. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, [1894]. 9 с.

¹³ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

¹⁴ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

¹⁵ Радлов Э.Л. Натуралистическая теория познания. (По поводу статей проф. И.М. Сеченова) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 682–693.

В течение пятнадцати лет И.П. Павлов вместе со своими учениками изучает условные рефлексы, пользуясь для образования их «двумя безусловными рефлексами, рефлексом на пищу и рефлексом на вливание кислоты в рот, измеряя при этом секретную реакцию на слюнных железах»¹⁶.

Как известно, безусловным рефлексом Павлов называет врожденный, видовой рефлекс (напр., выделение слюны при вливании кислоты в рот), а условным – рефлекс приобретенный, индивидуальный, т.е. возникший на основе индивидуального опыта. Средства, применяемые для образования условного рефлекса, сравнительно просты; если, напр., вливать в рот собаке кислоту и в то же время (вернее, несколькими секундами раньше) действовать на ухо собаки каким-либо звуком, то после нескольких таких опытов раздражение уха собаки тем же звуком будет вызывать выделение слюны даже и в отсутствие кислоты. Вообще «всякий раз, как какой-нибудь индифферентный раздражитель совпадает во времени с действием раздражителя, вызывающего определенный рефлекс, то после одного или нескольких таких совпадений, он сам, этот индифферентный раздражитель вызывает тот же рефлекторный эффект (там же, стр.31).

На основании изучения условных рефлексов Павлов приписывает большому мозгу две основные деятельности – замыкательную и анализаторную. «Основными деятельностями высшего отдела центральной нервной системы», говорит Павлов, «являются замыкание новых и временных связей между внешними явлениями и работой различных органов и разложение организмом сложности внешнего мира на отдельные, короче, деятельности замыкательного и анализаторного аппаратов» (29). «Что касается до анализаторной деятельности, то здесь, прежде всего, наблюдаемый факт состоит в том, что все раздражители сначала входят в состав нового рефлекса в их общем виде и лишь потом постепенно специализируются, т.е. если вы, напр., из данного тона выработали условный раздражитель, то, сначала, действуют также не только всевозможные тоны, но даже и другие звуки (удары и шумы), а затем при повторении условного раздражителя область раздражающих звуков все сужается и сужается до пределов избранного тона и даже частей его. Таким образом определяется предел деятельности анализаторов, простираясь у нашего животного в некоторых анализаторах до невероятной тонкости и представляя, очевидно, возможность огромного развития. Большее или меньшее разрушение мозгового конца анализаторов последовательно выражается в большем или меньшем ограничении степени анализа» (31 с.).

В лаборатории Павлова производятся наблюдения не только над возникновением условных рефлексов, но и над их задерживанием, торможением под влиянием внешних и внутренних условий. В этой именно области Павлов нашел сложный факт угасания и восстановления условного рефлекса (см. описание его там же, стр. 34 с.), рассматриваемый им, как *experimentum crucis* в споре между сторонниками психологического и чисто объективного истолкования фактов, изучаемых зоопсихологиею. Павлов полагает, что описываемое им явление вполне объясняется иррадиацией и последовательным концентри-

¹⁶ Прим. Лосского: Акад. И.П. Павлов, «Настоящая физиология» головного мозга, журн. Природа, 1917 г., янв., стр. 31 (доклад для съезда психиатрии, неврологии и психологии, предполагавшегося в 1914 г.). Прим. ред.: Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917. № 1. С. 27–38.

рованием тормозного процесса, «знание чего», говорит он, «давало нам возможность абсолютно точного (числового) предсказания явлений (стр. 37); наоборот, сторонники психологического истолкования пытались объяснить явление ссылками на самые разнообразные психические процессы и не могли на основании своих гипотез давать точного предсказания явления¹⁷.

Под простую схему условного рефлекса и явлений торможения можно пытаться подвести все деятельности животного. И в самом деле, И.П. Павлов говорит: «В рамки наших исследований над условными рефlekсами постепенно захватываются все отделы высшей нервной деятельности нашего животного, как об этом можно догадываться, хотя бы по грубому, приблизительному сопоставлению наблюдаемых нами внешних фактов с психологической классификацией субъективных явлений, каковы: сознание, мысль, воля, аффекты и т.д.» (37).

Прибегать к психологическим объяснениям при изучении поведения животного И.П. Павлов считает совершенно бесполезным; что же касается человека, он не отвергает психологии, как науки о субъективных состояниях, но все же настаивает на том, что «чистая физиология головного мозга животных чрезвычайно облегчит, больше того, оплодотворит непомерную, богатырскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека».

Даже высшие творческие деятельности человека школа Павлова пытается понять как рефлекс. В.В. Савич в статье «Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлeкторного акта»¹⁸ применил это учение для объяснения научного творчества Дарвина. Развитие у него «научных рефлексов» он объясняет путешествием на корабле Бигль, вырвавшим его из домашней обстановки с ее разнообразными раздражениями и замкнувшим его в среду, приспособленную лишь для научной деятельности. Возникновение теории происхождения видов он объясняет такими факторами как чтение «Основ геологии» Лайеля, «где так талантливо развита теория постепенных и незначительных изменений вместо теории катастроф» (стр. 207), далее наблюдение в Австралии борьбы за существование в форме вытеснения австралийцев европейцами, затем – чтение книги Мальтуса о народонаселении и т.п. Теория творчества, намечаемая Савичем, есть, чего и следовало ожидать, не что иное, как старый ассоциационизм, переведенный с языка психологии на язык физиологии, исходящей из тезиса: «когда есть два достаточно возбужденных центра между ними очень легко устанавливается новое замыкание». Подобно психологическому ассоциационизму, и этот физиологический ассоциационизм слишком легко отодвигает в сторону волевой элемент в процессе творчества,

¹⁷ Прим. Лосского: Возражения И.П. Павлову, сделанные по этому поводу А.А. Крогиусом и Н.О. Лосским в Заседании Петрогр. философ. общества 24 ноября 1916 г, напечатаны в «Психиатрической газете» 1917 г. № 6. Прим. ред.: В указанном номере «Психиатрической газеты» был опубликован лишь доклад И.П. Павлова, сделанный на заседании Петроградского философского общества. См.: Павлов И. П. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // Психиатрическая газета. 1917. № 6. IV год издания. С. 141–146. Публикация прений по докладу не выявлена.

¹⁸ Прим. Лосского: Известия Пгр. Научн. Института имени П.Ф. Лесгафта, ПГР., 1921, т. IV. Прим. ред.: Савич В.В. Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлeкторного акта // Известия Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта. 1921. Том IV. С. 199–212.

именно господство основной цели, сообразно которой одни элементы процесса сочетаются в целое, а другие подвергаются торможению.

Некоторые ученики И.П. Павлова, как водится, идут дальше своего учителя Такт, Г.П. Зеленый в своей статье «Современная биология и психология»¹⁹, излагая взгляды Павлова, а также других сторонников объективного метода, напр. Bethe, Beer'a и v. Uexküll'я. высказывается в пользу применения чисто объективного метода также и к социальной жизни людей; он предвидит возможность такой науки как социофизиология, т.е. имеет в виду социальную рефлексологию (G. Zeliony, «Über die zukünftige Soziophysiologie», «Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie», 1912)²⁰.

В школе И.П. Павлова возник замысел построения социофизиологии, а в школе Бехтерева эта идея уже осуществлена. В.М. Бехтерев опубликовал в 1921 г. огромный том «Коллективная рефлексология»²¹. Науку эту он не отождествляет с социологиею: по определению Бехтерева коллективная рефлексология изучает генезис коллектива, а социология исследует законы уже возникшего коллектива. Таким образом, коллективная рефлексология служит «базисом» для «социологии» (стр. 32).

Во второй части своей книги В.М. Бехтерев пытается показать, что основные законы физики, напр., закон сохранения энергии, закон тяготения, закон противодействия равному действию и т.п. приложимы не только к неживой природе, но и к сфере общественной жизни. Так, напр., явления конкуренции, соперничества, общественной борьбы он рассматривает как процессы, связанные с взаимным отталкиванием. (стр. 244 сс.).

К той же по существу школе, как и работы Павлова, принадлежат работы В. Бехтерева и его учеников. В лаборатории Бехтерева объективный метод применяется для изучения высших проявлений не только животных, но и человека с целью обосновать рефлексологию человека. В 1908–1911 гг. Бехтерев опубликовал три выпуска обширного труда «Объективная психология», а в 1918 г. напечатал книгу «Общие основания рефлексологии»²². Существования субъективных психических явлений Бехтерев вовсе не отрицает; мало того, он даже заявляет: мы «ничуть не думаем субъективное считать излишним. По крайней мере, нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного так же, как и с субъективным. Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе ничего нет лишнего» (Об. псих., вып. 1, стр. 17)²³. Несмотря, однако, на такую высокую оценку роли психического в природе, В. Бехтерев убежден, что «подобно рефлексам

¹⁹ Прим. Лосского: В сборнике «Новые идеи в философии, № 9. Прим. ред.: Зеленый Г.П. Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии. 1913. Кн. 9. С. 40–66.

²⁰ Zeliony G. P. Über die zukünftige Soziophysiologie // Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie. 1912. № 9. S. 405–429.

²¹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. 432 с.

²² Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Курс, чит. студентам ун-та при Психоневрологическом ин-те. Петроград: Риккер, 1918. 660 с.

²³ Бехтерев В.М. Объективная психология. Вып. 1. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1907. 58 с.

нервно-психические процессы не прерываются ни в одном пункте в своей физиологической основе» и что «схемой всех вообще нервно-психических процессов являются рефлексы, передающиеся через высшие нервные центры» (39). Изложив схему рефлекса, Бехтерев продолжает: «спрашивается, что к этой простой схеме прибавится, если мы на место вышеуказанных чисто физиологических терминов будем пользоваться ходячими терминами субъективной психологии» (21). Даже такие термины как «желание», «влечение» и т.п. Бехтерев считает «метафизическими» (Об. псих. 1, 30; Общ. осн. рефлекс. 71).

Впрочем, продолжая разрабатывать и углублять свои учения, В.М. Бехтерев, по-видимому, начинает более положительно относиться к «субъективной психологии». Так, в статье «Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины» («Природа», ноябрь-декабрь 1917 г.)²⁴ сказано, что «рефлексология не только не исключает субъективной психологии, но, разграничивая сферы ведения той и другой научной дисциплины, она включает в область своего исследования в целях полноты изучения предмета и установление соотношения объективных данных поведения, речи и других реакций у человека с субъективными его переживаниями»²⁵.

В числе ценных результатов такого сравнительного изучения объективных и субъективных данных он указывает установленную в лаборатории близость между объективным порогом сочетательного (условного) рефлекса и субъективным порогом ощущения, сходство между дифференцированием рефлекса и дифференцированием восприятия (дифференцирование восприятия – факт, установленный проф. Н.Н. Ланге, о чем будет речь ниже, и подтвержденный д-ром Никитиным) и т.п. (Общ. осн. рефл., 134,160).

Эксперименты, производимые в лаборатории Бехтерева, особенно удобны для таких сравнений объективной и субъективной стороны потому, что для восприятия сочетательных рефлексов в ней применяется в качестве основного раздражения не возбуждение слюнной железы, а электрическое раздражение, вызывающее оборонительный рефлекс, напр., раздражение передней лапы у животных или подошвы стопы у человека (о преимуществах этого метода см. «Общ. осн. рефл.». 61 с.). Наконец, в одной из последних глав книги «Общие основания рефлексологии» Бехтерев даже признает, что «объективное изучение соотносительной деятельности человека, именуемое рефлексологиею, и данные субъективной психологии, изучаемой путем самонаблюдения на человеке, являются знания, взаимно дополняющие друг друга» (158).

Важнейшие законы сочетательных рефлексов (так Бехтерев называет условные рефлексы), установленные или по крайней мере подвергнутые дальнейшему детальному исследованию школой Бехтерева, таковы: закон сигналов, состоящий в том что индифферентное раздражение, из которого вырабатывается сочетательный рефлекс, должно предшествовать основному раздражению и таким образом, когда воспитывается сочетательный рефлекс оно играет роль как бы сигнала предвещающего ос-

²⁴ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1101–1128.

²⁵ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1126 (восстановлено редакторами).

новное раздражение (стр. 94); законы торможения и растормаживания; законы дифференцирования и обобщения как раздражения, так и реакции (стр. 104–110), закон компенсации воспрепятствованного сочетательного рефлекса (напр., при удалении соответствующего двигательного центра замена рефлекса другим движением стр. 111); закон относительности, состоящий в том, что одно и то же стороннее раздражение способно оказывать то тормозящее рефлекс, то растормаживающее влияние в зависимости от самых разнообразных обстоятельств, между прочим от того, находится ли рефлекс еще в периоде воспитания или в состоянии угасания (119–122); стеническое или астеническое влияние внешних раздражений, состоящее в том что всякое внешнее раздражение кроме соответственной ему определенной внешней реакции, «вызывает еще общее возбуждающее или угнетающее влияние, из которых первое сопровождается рефлексами наложения и притяжения, второе рефлексами обороны и отталкивания» («Природа», 1917, ноябрь, стр. 1124)²⁶.

Последний закон вводит нас в обширную и интересную область эмоциональных рефлексов, которые также исследуются в лаборатории Бехтерева, причем для обнаружений их применяются некоторые вновь изобретенные или усовершенствования лабораторию аппараты, напр. письмограф в виде мешка из непромокаемой материи, наполняемого водой (описание в дисс. Протопопова, Спб. 1909)²⁷. Сочетательные рефлексы использованы Бехтеревым и его учениками для открытия нервных центров и выяснения их свойств. Так ими установлено для некоторых сочетательных рефлексов существование областей коры, содержащих в себе и приводные и отводные части, т.е. чувственный и двигательный центр вместе (Бехтерев «Об основах функциональной деятельности мозговой коры по данным психо-рефлексологии», Р. Врач, 1913, № 33)²⁸. Как психиатр В.М. Бехтерев применяет данные психологии также и для практических целей, напр. для изобличения притворства (Р. Врач, 1912, № 14)²⁹.

Попытки подвести все проявления животных под схему безусловного или условного рефлекса и разрабатывать психологию лишь посредством «физиологического метода» встречают живое противодействие со стороны зоопсихолога В.А. Ва-

²⁶ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1124.

²⁷ Протопопов В.П. О сочетательной двигательной реакции на звуковые раздражения: дис. на степ. д-ра мед. В.П. Протопопова / Из Физиол. лаб. при Клинике душев. и нерв. болезней акад. В.М. Бехтерева. СПб.: Т-во худож. печати, 1909. 164 с.

²⁸ Бехтерев В.М. Об основах функциональной деятельности мозговой коры по данным психо-рефлексологии // Русский врач: еженедельная медицинская газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта. 1913. № 33. С. 1149–1155.

²⁹ Бехтерев В.М. Применение метода сочетательно-двигательного рефлекса к исследованию притворства // Русский врач: еженедельная медицинская газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта. 1912. № 14. С. 461–464.

гнера. (см. напр., его статью «Зоопсихология перед судом физиолога И.П. Павлова»)³⁰. Согласно его указаниям уже инстинкты во многих случаях явно не соответствуют схеме рефлекса; таково, напр., поведение их невмона, откладывающего яички в личинку, живущую в толще древесного сучка; «розыски» утолщения сучка с личинкою, затем ощупывания, многочисленные «опыты», «приспособления» и «начинания», производимые им раньше, чем он начнет погружать яйцеклад в древесину, не имеют характера рефлекса (Вагнер «Биопсихология», сборн. № 6 «Новых идей в биологии», стр. 19–22)³¹. Еще очевиднее отличие от рефлекса таких явлений, как, напр., осенний перелет птиц или возвращение на свое место голубей, пчел, шмелей, отнесенных в закрытой корзинке на большое расстояние от гнезда.

В своем весьма содержательном и прекрасно изданном сочинении «Биологические основания сравнительной психологии» (2 т.)³² Вагнер отводит весь первый том критике ложных и изложению правильных методов сравнительной психологии. Он отвергает как «монизм сверху», монизм *ad hominem*, возникающий на основе субъективного метода и усматривающий на всех ступенях животного мира сознание, волю и разум, так и «монизм снизу». Монизм «от простейших животных», возникающий на основе физиологического метода и сводящий все поведение не только одноклеточных, но и высших животных, даже и человека, к тропизмам и таксисам, все объясняя раздражительностью протоплазмы и физико-химическими изменениями и не придавая существенного значения даже различию между животными, обладающими нервной системой и не обладающими ею. Для опровержения монизма «сверху» Вагнер анализирует множество случаев кажущейся разумности поведения животных; так, напр., он рассматривает коллективные работы муравьев, шмелей и других животных и устанавливает, что в них нет разумного сотрудничества, что хлопоты, напр., многих муравьев над одним делом ведут к непроизводительной потере 75% труда и если в результате цель достигается, то это обусловлено одинаковостью инстинктов, а не планомерностью совместной работы.

Против «монизма» снизу Лёба, Бете и др., ведущего к устранению не только понятия разума, но и инстинкта, Вагнер выдвигает наблюдение деталей поведения личинок, гусениц, жуков и т.п. (напр., зигзагообразное движение), обнаруживающее необъяснимость сложного характера их поведения из асимметрии или симметрии действия внешнего раздражения на их тело и т.п.

Сам Вагнер является также горячим сторонником объективного метода, но он требует применения разнообразных и сложных модификаций его. Кроме физиологического метода необходимо пользоваться еще, указывает он, различными видами биологического метода, именно филогенетическим и онтогенетическим методом. При таком способе исследования не возникает ни монизм «сверху», ни монизм «снизу», потому что сравнению подвергаются особи данного вида друг с другом, затем с особями смежных видов и смежных родов. Установив путем сличения особей данного вида, напр., тип

³⁰ Вагнер В.А. Зоопсихология перед судом физиолога И.П. Павлова // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1917. № 3/5. С. I–XVI.

³¹ Вагнер В.А. Новые идеи в биологии. № 6. Биопсихология. СПб.: Образование, 1914. 139 с.

³² Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии: Т. 1–2. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1910–1913.

какого-либо инстинкта и его колебания (напр., при изучении строительного инстинкта тарантула – колебания глубины норы, направления ее формы, входного отверстия и т.п.), Вагнер рекомендует переходить с этим материалом в руках к филогенетическому методу, именно к сличению особенностей того же инстинкта у видов того же рода и т.д. для определения генетической связи между инстинктами близких по своему происхождению животных. Превосходным образцом этого метода и его плодотворности при решении различных вопросов может служить исследование гнезд пауков, произведенное Вагнером “Industrie des Araneina”, Труды Петрогр. академии наук³³). Конечная цель его исследования – установить путем изучения генезиса инстинктов филогению пауков, но на пути при этом разрешаются и другие вопросы, напр., вопрос о том, есть ли постройка пауков *Agroeca*, состоящая из двух камер, кокон или гнездо (стр. 302–304)³⁴. Филогенетический метод при решении таких вопросов есть лучший путь для установления того, имеем ли мы дело при развитии инстинктов с проявлениями «изобретательности», «догадливости» животных и т.п. или же со случайными отклонениями, подхваченными естественным отбором (304).

Онтогенетический метод служит для исследования эволюции индивидуальной психики. Пользуясь им Вагнер устанавливает глубокое различие между инстинктивной и разумной деятельностью: путем рассмотрения множества примеров, он старается установить положение, что в жизни особи не бывает развития инстинктов, а есть смена одних готовых наследственных инстинктов другими (напр., молодые тарантулы, живя на теле матери, при всяком перемещении оставляют конъюнктивную нить, а потом утрачивают этот инстинкт и, покинув тело матери, селятся сначала в оставленных углублениях земли, потом в небольших норах под камнями и, наконец, устраивают типические глубокие отвесные норы (351 с.), между тем как разумная деятельность изменяется постепенно и преемственно, т.е. с характером эволюции.

Во втором томе своего труда, посвященном исследованию инстинкта и разума, Вагнер, основываясь на своих и чужих наблюдениях, везде проводит мысль о коренном отличии инстинкта от разума, борется против теорий, выводящих инстинкт из разумной деятельности, превратившейся в привычку, а также против теорий, выводящих разумную деятельность из инстинкта, и настаивает на том, что обе эти способности возникают независимо друг от друга на основе рефлекса. Поведение беспозвоночных, по Вагнеру, все сводится к инстинктам; беспозвоночные не способны ни к индивидуальному опыту, ни к подражанию, ни к дрессировке, следовательно, вовсе не обладают разумом. «Неуверенность» и «колебания» в поведении беспозвоночных, описываемые Jennings'ом, он рассматривает не как «опыт», а как проявление несовершенства органов чувств. Некоторые другие доводы в защиту способности беспозвоночных к «опыту» (напр. прекращение актиниею реагирования на какое-либо повторное раздражение) он отвергает, усматривая в них смешение

³³ Wagner W. L'Industrie des araneina. Memoires l'academie des sciecnes de St.-Petersburg. VII serie. Tome XLII. № 14. St.-Petersburg, 1894. 269 p.

³⁴ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Т. 1. Биопсихология. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1910. 435 с.

явления физиологического утомления с психологическим процессом научения путем опыта.

Из экспериментальных исследований, произведенных самим Вагнером для установления различия между психическими процессами беспозвоночных и позвоночных особенно интересны наблюдения над памятью шмелей. Основываясь на них, Вагнер устанавливает следующие особенности памяти беспозвоночных: 1) память беспозвоночных строго ограничена кругом предметов и явлений, совокупность которых определяется законом крайней биологической необходимости; 2) память их мозаична (II, 307–319)³⁵; 3) запоминание устанавливается сразу, а не путем повторения, как у позвоночных животных, но зато и забывание происходит сразу, как только новое впечатление становится на место прежних (напр., при переносе гнезда шмеля прежнее место гнезда сразу забывается): «похоже на то, как будто у шмелей для записывания памяток имеется только маленькая дощечка, на которой может быть сделана только одна надпись, вследствие чего, чтобы сделать другую, надо стереть старую» (стр. 322).

Кроме указанных исследований Вагнера, нельзя не упомянуть еще о множестве экспериментов, произведенных им для разработки «сегментарной психологии», т.е. для изучения поведения сегментов тела червей и членистоногих (см. его «Вопросы зоопсихологии», 1896 г.)³⁶.

Настойчивые попытки строить чисто объективную психологию объясняются, во-первых, недоверием к данным самонаблюдения, и, во-вторых, сомнением в возможности иметь достоверные сведения о чужой душевной жизни. Именно в русской литературе проблема чужой одушевленности послужила темой специального обстоятельного исследования. Проф. Александр Ив. Введенский рассмотрел этот вопрос в сочинении «О пределах и признаках одушевления»³⁷ (1892 г.) и пришел к выводу, что объективных признаков чужого одушевления нет, что вопрос о чужом одушевлении теоретически неразрешим, и, следовательно, убеждение в чужом одушевлении обуславливается практическими мотивами, именно признанием нравственного долга, который «подразумевает существование чужого одушевления»³⁸ (103). Иными словами, проф. Введенский считает убеждение в чужом одушевлении не знанием, а нравственно обоснованной верой; он относит его к числу метафизических положений, к числу постулатов практического разума наряду с Кантовскими постулатами свободы, бессмертия души и бытия Бога (106).

Книга проф. Введенского вызвала в свое время оживленный спор, в котором приняли участие Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, кн. С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, *затем* Аскольдов и др. Одним из отголосков ее в наше время явилось историческое исследование И. Лапшина «Проблема чужого я в новейшей философии»³⁹ (1910), знакомящее с попытками гносеологического и психологического решения этого вопроса.

³⁵ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Т. 2. Инстинкт и разум. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1913. 428 с.

³⁶ Вагнер В.А. Вопросы зоопсихологии. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1896. 255 с.

³⁷ Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.

³⁸ Там же.

³⁹ Лапшин И.И. Проблема «чужого я» в новейшей философии. СПб: Сенатская типография, 1909. 192 с.

В другом своем сочинении «О перевоплощаемости в художественном творчестве» (напечатано в сборниках «Вопросы теории и психологии творчества», т. V, 1914 г.⁴⁰) Лапшин пытается самостоятельно решить проблему психогенезиса идеи чужого одушевления путем учения о «качестве формы» (Gestaltqualität). «Когда я вижу чужое лицо», говорит Лапшин, «с известной экспрессией, я воспринимаю, скажем, n чувственных качеств (известную совокупность зрительных и моторных ощущений), но я воспринимаю эти n ощущений не как алгебраическую сумму безразличных друг к другу психических элементов – сверх n различных ощущений, я получаю еще $n+1$ -е чувство, которое соответствует комбинации или группировке этих элементов – то, что Эренфельс назвал качеством формы – Gestaltqualität. Таким образом, моментальная экспрессия человеческого лица схватывается мною сразу, как целое, вызывающее во мне, кроме n ощущений, $n+1$ -е чувство целостного впечатления (Totalimpression Гомперца), которое в силу прежних опытов непроизвольно ассоциируется у меня с настроениями и переживаниями, подобными душевным состояниям наблюдаемого мною лица. Последнее обстоятельство может и не иметь места: я могу видеть плачущего, переживать целостное впечатление от выражения его печали, и в то же время не заражаться симпатически его печалью. Целостное впечатление экспрессии ($n+1$ -е переживание) так тесно сплослось с телесными проявлениями, что мы проецируем этот добавочный психический процесс в тело другого человека. Мы видим печальную улыбку, счастливое выражение глаз, ревнивый взор, злобную усмешку. Подобно тому, как мы объективируем вторичные качества (цвета, вкусы, запахи и т.д.), так точно мы объективируем и целостные впечатления, хотя фактически их источник субъективный. Вот почему нам кажется; что мы прямо видим, интуитивно постигаем чужое Я, его переживания. Это иллюзия, но она неизбежна»⁴¹.

Вопрос о чужом одушевлении рассмотрен также в статье Н. Лосского «Восприятие чужой душевной жизни» (В журнале «Логос», 1914). Настаивая на психологической и гносеологической несостоятельности теории умозаключения по аналогии, а также теории вчувствования (Липпс), Лосский развивает учение о непосредственном восприятии (интуиции) чужой душевной жизни.

Проф. Введенский, вызвавший спор о признаках чужого одушевления, является также автором университетского курса психологии под заглавием «Психология без всякой метафизики»⁴² (3. изд. 1917 г.). В этой книге им развита система психологии в духе критицизма Канта. Под психологию без всякой метафизики проф. Введенский разумеет систему учений о психических явлениях в кантовском смысле этого слова, обходящуюся не только без понятия души, но и «без всякого учения о каких бы то ни было трансцендентных предметах» (II). Всякую активность проф. Введенский считает относящейся к трансцендентному миру, т.е. не данной в

⁴⁰ Лапшин И.И. О перевоплощаемости в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества (Пособие при изучении теории словесности в высш. и сред. учеб. заведениях). Т. V. Ч. 1. Теория творчества. Харьков, 1914. С. 161–262.

⁴¹ Там же. С. 236–237 (восстановлено редакторами).

⁴² Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Изд. 3-е, вновь испр. и доп. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 359 с.

сознании (144 с.). Поэтому он устраняет из психологии знания учение о мыслительных актах (141–145). Также и в волевых явлениях он отрицает специфический волевой элемент и находит, что «весь поток душевной жизни оказывается состоящим только из чувств, мыслей и ощущений» (309). С особенным вниманием он рассматривает вопрос о субъективности всего содержания восприятий и, приведя ряд доводов в пользу признания субъективности не только чувственных качеств, но и воспринимаемого пространства, поднимает вопрос, как объяснить то, что содержание восприятий тем не менее «невольно сознается нами, как что-то существующее само по себе, помимо душевной жизни» (131). Это явление проф. Введенский считает результатом объективирования продуктов душевной жизни, которое неизбежно должно совершаться, так как без него было бы невозможно сознание: в самом деле, сознание невозможно без самосознания, а согласно закону, установленному Кантом и Фихте «нет самосознания без сознания чего-нибудь, как своего не-Я» (132). Точно так же из условий возможности сознания проф. Введенский объясняет локализацию воспоминаний в прошлом. Он рассматривает ее как следствие двух следующих законов: «наше сознание подчинено форме времени» и «мы в состоянии сознать время не само по себе, не помимо происходящих в нем событий, а не иначе, как созная происходящие в нем события» (258); но будущие события можно только ожидать на основании воспоминаний о прошлом, а настоящее есть не более, как граница между прошлым и будущим, следовательно, оно тоже может сознаться только в связи с мыслью о прошлом и будущем; итак, в основе сознания времени должно лежать отнесение некоторых представлений к прошлому, и эти представления служат опорными пунктами для локализации во времени остальных представлений (258 с.). Своеобразный характер имеет учение проф. Введенского о чистой мысли, развитое им главным образом в связи с анализом состава общих представлений. Проф. Введенский полагает, что всякое общее представление состоит из единичного образа (предмета или слова), который «соединен с чистой мыслью об общности некоторых признаков, принадлежащих предметам, подходящим под переживаемое общее представление». Также и в единичных представлениях проф. Введенский находит элемент чистой мысли, именно – «как мысль о постоянстве некоторых признаков представляемого предмета» (169).

Перейдем теперь к психологам, отстаивающим самостоятельность и активность психической жизни. Здесь прежде всего следует отметить обстоятельный труд выдающегося педагога К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» (2 тт., 1. Изд., 1867–69 гг.)⁴³. Не присоединяясь сполна ни к какой определенной философской школе, Ушинский в то же время не впадает в бесцветный и противоречивый эклектизм благодаря тому, что руководится живым свидетельством опыта. Он рассматривает душевный процесс, как продукт кооперации душевного и телесного фактора; посредством тонких наблюдений и соображений он разграничивает роль этих двух агентов в явлениях восприятия и воображения, памяти, чувства и воли. С особенным вниманием он останавливается на разнообразных явлениях чувства и

⁴³ Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогич. антропологии. Т. 1–2. СПб.: Тип. Ф.С. Ушинского, 1868–1869.

повергает их глубокому анализу. Чуткость Ушинского к тончайшим оттенкам внутренней жизни свидетельствует о чрезвычайном развитии духовности в самом авторе и придает его книге ценность, не убывающую с течением времени. Через несколько лет после книги Ушинского появилось сочинение Кавелина «Задачи психологии» (1872)⁴⁴, в которой развито учение о душе, как «самостоятельном и самодеятельном организме», способном к творчеству, прогрессу и свободе. Эту же тему разрабатывает и Н.Н. Страхов в своей книге «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886, 3 изд. 1904)⁴⁵. Но более всех потрудился над вопросами философии психологии профессор Московского Университета Л.М. Лопатин. В ряде статей, напечатанных в журнале «Вопросы философии и психологии» («Явление и сущность в жизни сознания» 1895 г. вып. 30)⁴⁶, «Понятие о душе по данным внутреннего опыта» 1896 г., 32⁴⁷, «Спиритуализм, как психологическая гипотеза» 1897 г., 38⁴⁸, «Реальное единство сознания» 1899 г., 49⁴⁹) Лопатин устанавливает, что единство душевной жизни не может быть единством «абсолютных явлений», т.е. явлений, лишенных субстанциальной основы: абсолютные явления были бы подвержены абсолютному исчезновению и были бы совершенно бессвязны. Только имея в своей основе субстанцию души явления душевной жизни способны образовать связное целое, в котором явления не моментально возникают и исчезают, а образуют процесс изменения, так что одни элементы связаны с другими причинно; сверхвременность Я есть необходимое условие сознания им времени, памяти о прошлом и даже восприятия настоящего, как длительного целого (память есть *experimentum crucis* в пользу субстанциалистического, а не феноменистического учения о душевной жизни); всякое единство восприятия, всякий синтез, различение и т.п. предполагает в основе явлений субстанцию; сплошность душевной жизни и несостоятельность психологического атомизма также указывает на субстанциальную основу ее; наконец, наличием души, как субстанции, естественнее всего объясняется то, что каждое переживание сопровождается оценкою, ведущей к целесообразной деятельности. Субстанция не есть непостижимая трансцендентная вещь в себе, она имманентна явлениям: наблюдать душевное явление это и значит наблюдать саму душу, как субстанцию, потому что каждое явление есть сама субстанция души в одном из проявлений ее бытия. Психические явления не могут быть продуктом материи, так как в таком случае они были бы лишь явлениями явлений (эпифеноменами) и опять-

⁴⁴ Кавелин К.Д. Задачи психологии. Соображения о методах и прогр. психол. исслед. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1872. VIII, 239 с.

⁴⁵ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1886. 317 с. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1904. XVI, 238 с.

⁴⁶ Лопатин Л.М. Явление и сущность в жизни сознания // Вопросы философии и психологии. 1895. № 30(5). С. 619–652.

⁴⁷ Лопатин Л.М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Вопросы философии и психологии. 1896. № 2(32). С. 264–298.

⁴⁸ Лопатин Л.М. Спиритуализм, как психологическая гипотеза // Вопросы философии и психологии. 1897. № 3(38). С. 486–534.

⁴⁹ Лопатин Л.М. Спиритуализм, как психологическая гипотеза // Вопросы философии и психологии. 1899. № IV(49). С. 600–623.

таки были бы лишены того характера единства и сплошности, который присущ душевной жизни. Таким образом, Лопатин является сторонником дуализма души и тела, однако это дуализм не картезианский, а лейбницианский монадологический: он полагает, что телесный процесс *есть* продукт деятельности монад, осуществляющих душевную жизнь, более элементарную, чем душа человека; из этого источника он выводит некоторые бессознательно возникающие продукты душевной жизни, напр. ощущения, некоторые стороны памяти и т.п. («К вопросу о бессознательной душевной жизни»; 1900 г. 54⁵⁰). Подводя итоги своим исследованиям, Лопатин утверждает, что душевная жизнь не есть функция движений мозга, она также не есть выделительная функция мозга, как говорят некоторые материалисты, тело играет в жизни духа гораздо более скромную роль, во-первых, преломляющей среды, а, во-вторых, возбудителя (подобно функции спущенного курка при выстреле), «Психология», 1903, стр. 131–133)⁵¹.

Психологу, отстаивающему самостоятельность психического бытия, вслед за проблемою субстанциальной основы психической жизни необходимо рассмотреть проблему психической причинности. Этому вопросу посвящен обширный труд В.В. Зеньковского «Проблема психической причинности», 1914. Рассмотрев с логической и гносеологической стороны вопрос о причинности вообще, Зеньковский приступает к исследованию психической причинности и дает следующую классификацию» (стр. 159) учений о ней: I. Точки зрения, отрицающие психическую активность (эпифеноменизм): 1. физиологический эпифеноменизм (Авенариус, Петцольд), 2. спиритуалистический эпифеноменизм (Гартманн, Дреус). II. Точки зрения, признающие психическую активность: 1. активность души феноменологически однородна с активностью материального мира: А) психика аналогична неорганическому миру – периферическая теория активности (Тен, Спенсер, Герберт, др.); В) психика аналогична органическому миру – а) актуальная теория (Вундт, Эббингауз, др.), в) центральная теория психической активности (Липпс, Лопатин, Бергсон, др.); 2) активность души феноменологически неоднородна с активностью материального мира – а) современные фиктеянцы, б) марбургская школа, с) Дильтей.

Сам Зеньковский, основываясь в особенности на исследовании явлений памяти, отстаивает органическое понимание психической жизни и устанавливает телеологический творческий характер психической причинности. Касаясь вопроса о законосообразности и свободе, он подчеркивает изначальность индивидуального субъекта, вследствие чего причинный психический процесс содержит в себе также сторону беспричинности (способности «начинать причинный ряд»); поэтому в учении о душевной жизни он сочетает относительный детерминизм с относительным индетерминизмом.

Среди направлений, отстаивающих самостоятельность и *активность* психического бытия, наиболее далеко идет волюнтаризм. В русской литературе волюнта-

⁵⁰ Лопатин Л.М. К вопросу о бессознательной душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1900. № IV(54). С. 743–757.

⁵¹ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, чит. на ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та и на Высш. жен. курсах в 1903–1904 ак. г. / Проф. Л.М. Лопатин. М.: Типо-лит. Ю. Векер, 1903. 230 с.

ризм был одновременно с Вундтом развит проф. М.И. Владиславлевым («Психология», 2 тт., 1881)⁵². Во всех отделах своей «Психологии» Владиславлев обстоятельно доказывает волевой характер течения всех психических процессов. Восприятие зависит от воли, поскольку сознаваемость ощущений невозможна без внимания, а внимание есть, по Владиславлеву, волевой акт. Процессы памяти, воспоминание и забывание, обусловлены возрастанием энергии психических состояний или ослаблением ее (превращением психических состояний в бессознательные) и эти изменения энергии зависят не только от физиологических условий, но и от наших хотений, стремлений, наклонностей, т. е. от воли. Воля лежит также в основе построений воображения. Сам разум есть не что иное, как «познающая воля» (II. т. 341)⁵³. Наиболее обстоятельно разработал Владиславлев учение о чувствованиях, как выражении отношений воли к внешним и внутренним событиям. Наконец, основу природы человека Владиславлев видит во врожденных первоначальных положительных содержаниях души, «в виде определенных хотений и влечений» (II, 531)⁵⁴, из которых далее при содействии опыта развиваются все наклонности, стремления и страсти индивидуума.

Позже особая разновидность волюнтаризма была развита Н. Лосским («Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», 1. Изд. 1903)⁵⁵ на основе взглядов Вундта. Лосский подчеркивает, подобно Вундту, что его волюнтаризм признает качественное разнообразие и несводимость различных психических состояний по содержанию к одной какой-либо основе, но он настаивает на том, что порядок течения всех психических процессов один и тот же, именно - всякое изменение в душевной жизни протекает по типу волевого акта, т.е. состоит из стремления, действия и, наконец, достигнутой путем действия перемены, которая сопровождается чувствованием удовлетворения или неудовлетворения. Отличие взглядов Лосского от других видов волюнтаризма заключается в том, что он сочетает его с интуитивистическим учением о сознании, согласно которому знание о внешних предметах достигается путем непосредственного созерцания (интуиции) предмета в подлиннике; поэтому очень многие содержания сознания Лосский считает не принадлежащими к потоку душевной жизни индивидуума: будучи имманентны сознанию индивидуума, они тем не менее остаются трансцендентными субъекту сознания и наличествуют в сознании только как нечто наблюдаемое. Благодаря такому отграничению индивидуально-психического от других элементов *сознания* облегчается задача волюнтаризма доказать свой основной тезис, так как он сводится к при-

⁵² Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. 610 с.; 564 с.;

⁵³ Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. С. 341.

⁵⁴ Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. С. 531.

⁵⁵ Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 300 с.

знанию наличности во всех процессах сознания лишь некоторой стороны, порождаемой активностью воли, и вовсе не утверждает, будто все содержание сознания создается актами воли индивидуального субъекта.

Вторая особенность волонтаризма Лосского, также вытекающая из его интуитивистического учения о сознании, заключается в том, что многие психические состояния он считает обусловленными не активностью самого Я, а деятельностью клеточек тела (нервных центров и т.п.). Поэтому, напр., Лосский резко различает «мои» стремления и стремления «во мне» (напр., физические *стремления голода и жажды и такие стремления самого нашего Я, как честолюбие и т.п.*), «мои» удовлетворения и неудовлетворения и физические удовольствия, и страдания и т.п. Считая таким образом душевную жизнь продуктом кооперации Я и тела, он объясняет нарушением гармонии между ними различные патологические явления. Эмоции в большей части их проявлений он считает психическими рудиментами инстинктивных актов, бывших целесообразными в жизни предков человека. Наконец, опять таки на почве интуитивистического учения о сознании, Лосский рассматривает жизнь личности как результат сочетания стремлений Я не только со стремлениями тела, стоящими шире человеческой личности, но и стремлениями сверхличными, сверхиндивидуальными, присущими мировому целому (социальными, нравственными, эстетическими, религиозными); основываясь на этом различии коренных стремлений различных личностей, он дает классификацию характеров, распределяя их в три группы – чувственных, эгоцентрических и сверхличных характеров (т.е. ведущих жизнь ниже, чем личную и сверхличную); явление это соответствует трем царствам бытия – физическому, душевному и духовному.

Проблему связи душевных и телесных явлений Лосский решает путем построения теории, которую он называет монистической теорией взаимопределения психических и физических явлений (в книге «Мир как органическое целое», 1917⁵⁶ и в брошюре «Материя в системе органического мировоззрения»⁵⁷). Она имеет монистический характер, так как исходит из утверждения, что психические и материальные процессы суть действия одной и той же субстанции; материальный процесс при этом рассматривается в духе динамизма, как проявление сил отталкивания и притяжения; так как одна и та же субстанция обладает и психическими состояниями и деятельностями отталкивания и притяжения, то естественно допустить, что психические состояния (стремления) определяют направление, в котором совершаются усиления или ослабления отталкиваний и притяжений; основываясь на своем учении о взаимодействии между субстанциальными деятелями, Лосский утверждает, что его теория влияния психического процесса на физический не ведет к отрицанию закона инерции и закона сохранения энергии (стр. 113–131)⁵⁸.

Основная тема психологии вопрос в том, что такое душевность (психическое), как она отличается от духовности и от физического и как все эти три царства сочетаются в единстве жизни человека, обстоятельно разработана в книге С.Л. Франка

⁵⁶ Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 169 с.

⁵⁷ Лосский Н.О. Материя в системе органического мировоззрения. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. 28 с.

⁵⁸ Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. С. 113–131.

«Душа человека. Опыт введения в философскую психологию»⁵⁹, 1917. Чтобы найти типичное душевное, Франк предлагает вспомнить, что мы переживаем, когда «после утомительных и беспокойных занятий дня мы в сумерках прилегли на диван и, ни о чем не думая и не заботясь, не руководя целесообразно ходом нашего сознания, безвольно отдались той неведомой и близко знакомой нам, всегда присутствующей в нас стихии, которую мы зовем нашей душевной жизнью». Тогда «в нас начинается особая жизнь», в которой теряется различие между я и внешним миром, между прошлым и настоящим, существующим и воображаемым; мы находимся в безбрежном океане бесформенного бытия. Это непосредственно переживаемое субъектное бытие и есть душевное бытие; оно не есть знание, мало того, оно даже не есть сознание, а составляет одно из условий сознания. Бесконечный океан душевного есть тот фонд, на котором вырастают островки опознанного бытия, чувственно-предметного мира в нашем сознании, а также строится духовная практическая деятельность (нравственная, эстетическая, религиозная). Бесконечность душевного бытия, непосредственно сливающаяся с целым миром, обнаруживается отчетливо в стоящих над нею высших деятельности теоретической и духовной практической: человеческое знание способно охватить весь мир, а его идеальный сверхвременный характер свидетельствует о том, что в основе его лежит слияние индивидуального я с сверхиндивидуальным разумом (171); точно так же духовно-практическая деятельность субъекта возможна лишь постольку, поскольку индивидуум укоренен в абсолютном (194). Таким образом, душа человека действительно есть безбрежный океан: она объемлет всю мировую бесконечность в индивидуализированном виде, она есть микрокосм (188).

Чтение книги Франка, с абсолютной убедительностью показывает, что человек, поскольку он помещается в кресле, есть на самом деле лишь бесконечно малая сторона человека; эта маленькая фигурка есть как бы форточка, заглянув в которую, мы попадем в бесконечность, объемлющую по-своему весь мир, и эта бесконечность и есть подлинный человек. В философии часто устанавливается это положение. Таково, напр., учение Лейбница. Однако оно высказывается в слишком отвлеченной форме. Живое конкретное видение истины, что душа есть микрокосм, составляет величайшее достоинство книги Франка. В этом отношении она стоит на одном уровне с книгой Бергсона «Время и свобода воли» (“Essai sur les données immédiates de la conscience”), которая заставляет читателя воочию созерцать душевную жизнь, как живое творящееся бытие, а не как мертвую связку отдельных ощущений и ассоциированных воспоминаний.

Ценное учение о «Сознании, как целом» дано в статье С.А. Алексеева под этим заглавием⁶⁰. Алексеев подчеркивает трехчленность всякого факта сознания:

⁵⁹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Петроград: Б. и., 1917. VIII, 252 с.

⁶⁰ Алексеев (Аскольдов) С.А. Сознание как целое: Психол. понятие личности. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1918. 54 с. (см. также Аскольдов С.А. Сознание как целое // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 2. С. 209–232; Аскольдов С.А. Сознание как целое // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 3–4. С. 421–450.)

наличность субъекта, объективированного состояния и переживания этого состояния. Переживанием он называет динамическую сторону сознания, в которой переживается процесс внутреннего изменения бытия, как выходящего из "я" или входящего в «я» (этот момент соответствует более или менее тому, что функциональная психология называет функцией). Наиболее близко к «я» то в сознании, что наиболее отождествляется с «я», наиболее непрерывно и непосредственно соединено с ним; с этой точки зрения можно наметить в сознании «четыре легко различаемые (по ситуации) области: 1) самое «я» или объединяющий центр сознания; 2) чувства и проявления воли; 3) познавательные содержания мыслей; 4) ощущения и вообще содержания внешних восприятий». Во второй, третьей и четвертой области возможны два динамических направления, центробежное и центростремительное. Таким образом, комбинируя для различения элементов сознания два признака – статическое измерение глубины (ситуация в отношении к «я») и динамический знак – Алексеев получает семь групп элементов сознания. Переходя затем к вопросу о личности, Алексеев намечает, кроме указанного выше относительного понятия глубины (в отношении к я), еще понятие глубины абсолютной, именно большее или меньшее удаление сознания «от внешностей физического мира» независимость его от этого мира и большее или меньшее отождествление личности с областью «моральных, эстетических и мысленных оценок и связанных с ними чувств и избраний».

Своеобразную систему «Эмоциональной психологии» построил известный представитель философии права Л. Петражицкий («Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология», 1905)⁶¹. Первичною, основною формою психических явлений он считает двусторонние, пассивно-активные, страдательно-моторные переживания, как, напр., голод, жажда и т.п., которые он называет словом эмоция или (импульсия, и *репульсия*, 221). Из этих переживаний развиваются далее путем дифференциации односторонние переживания, именно односторонне-пассивные (познавательные и чувственные) и односторонне-активные (волевые). Для яркого обнаружения эмоций и содержащихся в них импульсивных и репульсивных элементов Петражицкий рекомендует в особенности метод противодействия (273) и метод «дразнения» (278). Он проявляет необычайно богатую фантазию и изобретательность в отыскании средств для возбуждения эмоций, рекомендуя, напр., хотя бы только совершить покушение ступить на покатуую ледяную поверхность, наступить босой ногой на острый предмет, на человеческие выделения, сделать в дамском обществе что-либо неприличное, съесть ложку червей или жаркое, облитое одеколоном, впустить птичку или мышь в классную комнату, где находятся дети, и т.п. Мощные импульсии и репульсии, возникающие в этих случаях, дают Петражицкому повод для интересных соображений о влиянии эволюции предков и борьбе за существование на строение психической жизни человека.

Обозревая изложенные труды русских психологов, можно прийти к мысли, что они делятся на две группы, из которых каждая доводит до последней степени

⁶¹ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1905. 311 с.

крайности определенный тип философско-психологических построений: одни отстаивают механистическое понимание поведения человека и заменяют психологию физиологиею, другие, наоборот, являются крайними сторонниками антимеханистического учения. В этом можно усмотреть типичную особенность русского ума доводить до последней крайности развитие какого-либо одностороннего тезиса и делиться на непримиримо враждующие между собой партии. В действительности, однако, положение более сложно. В тех областях мышления и жизни, где стоят резко противоположные друг другу крайности, обыкновенно намечается и нечто третье, именно синтез, более или менее органически сочетающий крайности в едином высшем целом. И в русской психологии искания и более или менее полные достижения такого синтеза ясно намечены во всех тех системах психологии, которые стремятся понять жизни личности, как продукт кооперации души и мира. Сторонники таких систем следят с сочувственным вниманием за лабораторными исследованиями физиологов, ценя открываемые ими факты и не соглашаясь лишь с некоторыми чертами истолкования этих фактов.

К сфере таких синтезирующих учений относятся, кроме некоторых перечисленных выше систем психологии, также та система, которая намечается в трудах психолога и психиатра А.Ф. Лазурского (умер в 1917 г.). Лазурский занимался психологией не только на основе наблюдения, но и эксперимента. Во всех трудах своих он обнаруживает склонность, занимаясь анализом психических явлений и восходя к высшим обобщениям, не терять из виду конкретной полноты психического бытия и близости к жизни. Особенно интересны его попытки создать метод исследования, называемый им естественным экспериментом. (Доклад на первом съезде экспериментальной педагогики 1910 г.; последняя глава книги «Школьные характеристики», 2 изд. и др.)⁶². Естественный эксперимент состоит в изучении личности «среди фактов обыденной жизни», «не в лабораторной, а в обычной житейской обстановке». Этот метод есть переходная форма от лабораторного эксперимента, к простому наблюдению. Он отличается от простого наблюдения тем, что изучаемые явления вызываются по желанию исследователя (причем исследуемый не знает, что он подвергается эксперименту) и тем, что факторы, обуславливающие возникновение явления и способные влиять на его развитие, заранее предусмотрены и учтены, насколько это возможно в сложной житейской обстановке. Такой характер естественного эксперимента можно придать, напр., школьному уроку (статьи в «Русской школе», «Вестнике воспитания» и «Вестнике психологии» – Вальватъевой и др.)⁶³.

⁶² Лазурский А.Ф. Школьные характеристики. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: К.Л. Риккер, 1913. С. 202–212. (214 с.)

⁶³ Прим ред.: Кавычки добавлены редакторами. Вероятно, Лосский имеет в виду следующие статьи: Канаев И.С. Значение подвижных игр и гимнастики с точки зрения естественного эксперимента // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1916. Т. XII. Вып. 2–3. С. 14–42. Лепилов К. Графическая подготовка учащихся // Русская школа. Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. 1914. № 5–6. Май–Июнь. Отдел I. С. 38–42. Вальватъева Л.Н. Экспериментальные уроки по природоведению // Вестник воспитания. 1913. Т. XXIV. № 5. С. 44–82. Кенигсберг-Коварская Е.А. Экспериментальные уроки, как один из

Хороший образец применения к делу естественного эксперимента дан в статье А. Лазурского и Л. Философовой «Естественно-экспериментальные схемы личности учащихся» («Вестник воспитания», 1916 г., № 6)⁶⁴.

Стремясь сохранить близость к конкретной жизни, Лазурский всегда рассматривает личность в связи со средой; соответственно этому он различает в составе личности эндопсихику и экзопсихику, т.е. субъективный и объективный фактор. Это деление отчасти соответствует делению на акты и содержания или на функции и явления, производимому интенционализмом и функционализмом. Изучая субъективный фактор Лазурский пришел к убеждению, что кроме переходящих субъективных действий, необходимо еще признать существование способностей или наклонностей, как устойчивой основы действий (см. статьи его «Теория способностей в современной психологии», *Вопр. фил.*, 1909, вып. 100⁶⁵; «Душевные способности как основные биологические функции», 1910, 101⁶⁶; «Значение гипотезы способностей для эмпирической психологии», 1910, 102⁶⁷). В связи с этим вопросом он заинтересовался проблемою психической активности и организовал с помощью своих учеников ряд экспериментальных исследований («К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные, *Вопр. фил.* 1916, 134⁶⁸). Проблема, интересующая Лазурского, состоит в том, можно ли ограничиться при объяснении «детерминирующих тенденций» волевого акта только ссылкой на представления цели, как это делает напр. Ах, придавая теории воли интеллектуалистический характер, или же необходимо признать также наличность волевого усилия и выдающееся значение его (стр. 204, 246). Для решения этого вопроса он прибегает, во-первых, к методу корреляции (Спирмана и Крюгера) и, во-вторых, в особенности, к методу последовательного действия, состоящему в использовании явлений «установки» (в широком значении этого термина), именно в изучении действия, оказываемого следами только что закончившегося интенсивного процесса на другой процесс, родственный ему, или индифферентный» (229). Опыты эти привели к различению двух типов активности – в форме общего разлитого нервно-психического возбуждения и в форме сосредоточенного волевого усилия (233 с., работа Малевича). Кроме того, они содержат в себе намеки на то, что в активных волевых функциях есть, кроме «представления цели» еще особая активная волевая функция (237 с., 249). К сожалению, смерть положила предел дальнейшей разработке этого вопроса А.Ф. Лазурским.

приемов естественного эксперимента // Русская школа. Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. 1913. № 4. Апрель. Отд. II. С. 1–25.

⁶⁴ Лазурский А.Ф. Философова Л. Естественно-экспериментальные схемы личности учащихся // Вестник воспитания. 1916. № 6. С. 1–51.

⁶⁵ Лазурский А.Ф. Теория способностей в современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100. С. 722–756.

⁶⁶ Лазурский А.Ф. Душевные способности как основные биологические функции // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 101. С. 39–78.

⁶⁷ Лазурский А.Ф. Значение гипотезы способностей для эмпирической психологии // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102. С. 113–140.

⁶⁸ Лазурский А.Ф. К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 201–251.

Интересуясь конкретной жизнью и особенно социальными проявлениями личности, Лазурский особенно обстоятельно занимался характерологическими исследованиями («Очерк» науки о характерах»⁶⁹, «Школьные характеристики»⁷⁰, «Об изучении индивидуальности»⁷¹, «Классификация личностей»⁷²), которые закончились построением «Классификация личностей». Свою классификацию Лазурский называет психо-социальной: она основана на принципе «активного приспособления личности к среде» (причем под средой разумеется и природа, и общество, и духовные ценности) и устанавливает в зависимости от ступеней приспособления три уровня личностей: низший – лица, недостаточно приспособленные к среде, средний – приспособившиеся, высший – лица, приспособляющие среду, т.е. творчески преобразующие ее. Каждый из уровней подразделяется на две группы: на группу «чистых» типов и группу более или менее соответствующих им «извращенных» типов. Извращенные типы возникают в тех случаях, когда «прирожденные задатки и склонности человека, не встречая благоприятных условий для его естественного развития и удовлетворения, заставляют своего обладателя искать искусственных путей для достижения той же цели и, таким образом, получается то или иное искажение чистого типа»; вследствие несоответствия внешних условий внутреннему складу личности получается дисгармония между эндопсихическими и экзопсихическими проявлениями личности, так, напр., человек созерцательного типа волею судеб делается администратором и т.п., поэтому значительная часть действий таких лиц биологически нецелесообразны или даже вредны или для них самих, или для окружающих. Чтобы дать более ясное понятие об этой классификации, приведу подразделения низшего типа вместе с образцами их, которые Лазурский заимствует из художественных произведений: I. Чистые типы: 1. рассудочные (напр. Берг из «Войны и мира»), 2. аффективные, а. подвижные, (напр. Хохлакова из «Братьев Карамазовых»), б. чувственные (Петр Петрович Петух из «Мертвых душ»), с. мечтатели (Манилов или Валентин из «Слуг старого века» Гончарова), 3. активные, а. энергичные низшего порядка (напр. Ноздрев или Анатолий Курагин из «Войны и мира»), б. покорно-деятельные (напр. Акакий Акакиевич), с. упрямые (напр. Григорий из «Братьев Карамазовых»). Им более или менее параллелен [за исключением пассивных] следующий ряд извращенных типов: 1. расчетливые эгоисты (напр. Семен Иванович Толоконников из «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского), 2. аффективные извращенные (напр., Фуфасев из «Переселенцев» Григоровича и Исая Фомич Бумштейн из «Записок из мертвого дома»), 3. активные извращенные, а. беспорядочные насильники (напр. Николка Гвоздев из «Озорника» Горького) б. и сосредоточенно-жесткие (напр. нищий Верстан из «Переселенцев»), 4. пассивные, а. апатичные (напр. Лубков из «Растеряевой улицы»), б. безвольные (напр. Тимофей Демьянов из «Переселенцев»).

В классификации Лазурского особенно ценно то, что она намечает бесчисленное количество переходов от одних типов к другим и выясняет действительные и

⁶⁹ Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. [2], VIII, 307 с.

⁷⁰ Лазурский А.Ф. Школьные характеристики. СПб.: Сенат. тип., 1908. 228 с.

⁷¹ Публикация не найдена.

⁷² Лазурский А.Ф. Классификация личностей /под ред. М.Я. Басова и В.Н. Мясищева. Петроград: Гос. изд-во, 1922. 401 с.

возможные пути развития личности, глубоко изменяющие ее облик. Поэтому она имеет не только теоретическое, но и высокое практическое значение в особенности для педагога, а также для общественного и государственного деятеля, для законодателя, судьи, лица, заведующего пенитенциарным учреждением и т.п. К сожалению, последняя часть работы, *исследование* типов высшего уровня, смерть помешала Лазурскому довести до конца.

Книга издана после кончины А.Ф. Лазурского под редакцией его учеников М.Я. Басова и В.Н. Мясищева (при жизни Лазурского часть книги была напечатана в журнале Мин. Народн. Просвещения, 1915 г. №№ 5–8, 1916 г. №№ 7 и 8)⁷³.

(лист утрачен)

рит Басов, «ничего не производит», «она – исключительно организующее начало, благодаря которому система становится именно системой, а не хаосом сил, действующих каждая по своему произволу» (817). В этом смысле волевая функция выделяется из ряда всех других, «становится как бы неравноценной им» (817). Различие между мертвою и живою природою, по мнению Басова, главным образом заключается именно в том, что в первой господствует «принцип соотношения равноценных сил», а во второй – принцип соотношения неравноценных сил» (817). Ценное общее исследование реакций человека, свободное от односторонностей школы рефлексологов дано К.Н. Корниловым в его книге «Учение о реакциях человека с психологической точки зрения» («Реактология»)⁷⁴. В своем труде К.Н. Корнилов пытается в заключительной его части подойти к рассмотрению основных философских проблем психологии, и потому я рассматриваю его здесь в первой части своей статьи. Корнилов исследует реакции с трех сторон: он изучает «временный момент, как показатель быстроты протекания реакции во времени» (хронометрический метод), «динамический момент», т.е. силу реакции (динамометрический метод) и «моторный момент», который характеризует форму движения, получающую свое численное выражение, во-первых, в величине пройденного пути реагирующим органом, во-вторых, в скорости движения этого органа и, наконец, в третьих, во времени движения» (метод исследования формы движения, стр. 22 с). Все реакции человека Корнилов сводят к семи основным формам. Эта «гамма реакций», в порядке возрастающей сложности про-

⁷³ Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 57. [№ 5]. Май. Отд. По народному образованию. С. 26–68; Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 57. [№ 6]. Июнь. Отд. По народному образованию. С. 168–205. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 58. [№ 7]. Июль. Отд. по народному образованию. С. 1–27. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 58. [№ 8]. Август. Отд. по народному образованию. С. 129–189. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения 1916. Новая серия. Ч. 64. [№ 7]. Июль. Отд. по народному образованию. С. 1–47. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения 1916. Новая серия. Ч. 64. [№ 8]. Август. Отд. по народному образованию. С. 127–152.

⁷⁴ Прим. Лосского: цитирую по изданию, напечатанному в ограниченном количестве экземпляров на пишущей машинке. М., 1921. Прим. ред.: Имеется в виду: Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения: («Реактология»). Эксперимент.-психол. исслед. из Лаб. Психол. науч.-исслед. ин-та при Моск. ун-те. М.: Гос. изд., 1921. 228 с.

цесса, такова: 1. натуральная реакция (реакция в условиях, наиболее близких к естественному состоянию испытуемого); 2. мускульная реакция (с установкой внимания преимущественно на движения); 3. сенсорная реакция; 4. реакция различения; 5. реакция выбора; 6. реакция узнавания; 7. ассоциативные реакции (стр. 33 с.)⁷⁵.

Дополняя хронометрическое исследование методом динамометрическим, а также методом исследования формы движения, К.Н. Корнилов устанавливает следующие свойства натуральной реакции:

1. «Каждый субъект имеет определенную природную склонность к ускоренному или замедленному типу реагирования при сильной или слабой затрате энергии.

2. Соотношение двух основных моментов реакции – быстроты и силы – служит наглядною характеристикой активного или пассивного склада натуры того или другого индивида.

3. В корреляции между временем реакции, с одной стороны, и количеством затрачиваемой энергии, а также и формой движения – с другой, не существует никакой однозначной зависимости.

4. В корреляции динамической стороны реакции и формы движения существует полный параллелизм: с увеличением затраты энергии при движении увеличивается также и пройденный путь и средняя скорость движения, однако, при мало изменяющемся времени движения»⁷⁶ (стр. 137 с.).

Натуральная реакция оказывается не основной формой реакции, стоящей по середине между двумя крайностями – моторною и сенсорною реакцией; она есть у каждого индивидуума «вариация одной из крайних форм реакции, однако никогда не совпадающая с ними»⁷⁷ (154).

Исследуя переход одного типа реагирования к другому, Корнилов устанавливает следующие положения:

1. «Лица, с природною склонностью к медленному и слабому способу реагирования (сенсорно-пассивный тип) легче всего переходят к противоположному способу реагирования, т.е. к быстрой и сильной реакции.

2. Лица, с природной склонностью к медленному и сильному способу реагирования (сенсорно-активный тип), легко ускоряют свои реакции, но с трудом делают их менее интенсивными.

3. Лица, с природной склонностью к быстрому и слабому способу реагирования (мускульно-пассивный тип) легко усиливают свои реакции, но с большим трудом замедляют их, и, наконец,

4. Лица, с природной склонностью к быстрому и сильному способу реагирования (мускульно-активный тип) труднее всего способны перейти к противоположному способу реагирования, т.е. к медленной и слабой реакции» (стр. 168)⁷⁸.

Изучение реакций различения, допускающих большие вариации в смысле сложности реакции *привело Корнилова* к следующим выводам: «при усложнении реакции в количестве предъявляемых раздражений и при установке реагировать лишь

⁷⁵ Описываемые Лосским данные см. в опубликованной книге К.Н. Корнилова: С. 22–23.

⁷⁶ Приведенную цитату см.: С. 81–82.

⁷⁷ Приведенную цитату см.: С. 91–93.

⁷⁸ Приведенную цитату см.: С. 99–100.

после отчетливого различения этих раздражений, время реакции удлиняется, тогда как величина затрачиваемой в движении энергии, а также общая сумма движения и скорость этого движения уменьшаются»⁷⁹ (192). Аналогичные положения установлены им также и для реакции выбора, для реакции узнавания и для ассоциативных реакций. На этом основании он считает возможным установить принцип «однополюсной» траты энергии, сущность которого такова: «мыслительная деятельность и внешнее проявление движений находятся в обратном отношении друг к другу: чем более усложняется и напрягается мыслительный процесс, тем менее интенсивным становится внешнее выявление движения»⁸⁰ (стр. 209).

Определяя разность энергии, затраченной индивидуумом в движении при простых и сложных реакциях, и притом вычисляя не абсолютную, а относительную величину этой разности, Корнилов вслед за Леманом, рассматривает ее как коэффициент работы, как «численный показатель произведенной психической деятельности» (232). Психический процесс он рассматривает таким образом, как один из видов энергетического процесса (234 с).

Результаты своих исследований К.Н. Корнилов пытается применить к трудовым процессам человека, следуя тенденции, выдвинутой пролетарской революцией в России, подчеркивать во всякой науке ее прикладное значение. Соответственно гамме реакций он устанавливает гамму трудовых процессов: 1. натуральный тип трудовых процессов (напр., труд технического персонала в учреждениях – сторожа, горничной и т.п.); 2. мускульный тип (напр., молотобоец); 3. сенсорный тип (напр., портной); 4. труд типа различения (напр., наборщик), 5. труд типа выбора (напр., вагоновожатый); 6. труд типа узнавания (напр., корректор); 7. труд типа ассоциаций⁸¹. Опираясь на вышеустановленное положение, согласно которому «переход от периферической траты энергии к центральной трате энергии происходит с большим трудом, нежели обратный процесс»; Корнилов в прикладной части своего исследования выражает эту же мысль в форме утверждения, что «создать из интеллигентного человека, представителя физического труда более легкая задача, нежели из профессионала физического труда создать интеллигентного человека» (254)⁸².

Считая задачей правильной воспитания синтез центральной и периферической траты энергии, т.е. равномерное сочетание физической работы и умственного труда, Корнилов обращает внимание педагога современной Трудовой Школы, задающейся этой целью, на то, что этот синтез не достижим в форме одновременного слияния физического и умственного труда: «синтез теории и практики, науки и труда достигается не их одновременным слиянием воедино, а планомерным и последовательным переходом от одного к другому»⁸³ (стр. 274).

⁷⁹ Приведенную цитату см.: С. 112.

⁸⁰ Приведенную цитату см.: С. 122.

⁸¹ Описываемые Лосским данные см.: С.143–149.

⁸² Приведенную цитату см.: С. 151.

⁸³ Приведенную цитату см.: С. 161.